Лондонский летний вечер всегда ленив и бесконечен. Но это было на следующий день, во второй половине дня.

В старом квартале после полудня на рынке подержанных виниловых пластинок было шумно и многолюдно.

Назвать это рынком можно было с натяжкой: по сути, это был просто длинный ряд столов, выставленных в открытом переулке. На столах громоздились пластинки, старые журналы, всякое ржавое старьё и вещи, название которых не мог подсказать даже сам продавец.

В воздухе витал лунный запах от тележки с хот-догами и чересчур тяжелый аромат чьего-то одеколона. Смешиваясь, они создавали присущий только лету липкий дух, от которого хотелось чихнуть, но не получалось.

Кролла, зажав в кулаке мелочь, неспешно лавировала между торговыми рядами.

На ней была просторная чёрная толстовка — рукава заметно свисали, закрывая половину пальцев, и она лишь изредка подтягивала их, когда перебирала пластинки.

Из-под джинсовых шорт выглядывали стройные, длинные ноги. На ногах красовались чёрные парусиновые высокие ботинки; шнурки были завязаны небрежно, на левом ботинке один уже развязался и волочился по каменной плитке, но сама она этого ещё не заметила.

На плече висел кофр для бас-гитары — не тот, что был вчера, этот выглядел ещё потрёпаннее, углы затерлись, а к бегунку молнии была привязана выцветшая синяя верёвка.

Длинные волосы цвета бордо были небрежно собраны в низкий пучок, несколько выбившихся пек падали на уши, и ветер то и дело заставлял их щекотать ей щеки.

Пользуясь свободой во время летних каникул, она специально пришла сюда, чтобы раздобыть редкую старую рок-пластинку.

Об этом виниле она мечтала уже три месяца: грезила им с весны до лета, думала о нём и в библиотеке Шармбатона, и на лондонском барахольном рынке.

В самом дальнем конце рынка примостилась палатка со старыми пластинками.

Торговец, лысеющий мужчина средних лет, был одет в футболку с логотипом какой-то рок-группы из восьмидесятых — логотип настолько застирался, что потрескался, напоминая старую грампластинку с паутиной трещин.

Его лоток был самым беспорядочным на всём рынке: пластинки валялись как попало,

накренившись набок; какие-то лежали обложкой вверх, какие-то вниз, у иных виднелся лишь краешек — точь-в-точь стадо ленивых, сквернохарактерных овец, не желающих выстраиваться в очередь.

Но взгляд Кроллы безошибочно вычленил лимитированный винил в самом центре развала.

Он был установлен вертикально на металлической подставке: на обложке красовалась охваченная пламенем бас-гитара, отблески огня отражались на чёрном фоне, а тиснёные золотом буквы ярко блеснули в лучах полуденного солнца.

Она протянула руку, чтобы взять его.

В тот же миг сверху опустилась другая рука.

Эта рука была с отчётливо выступающими суставами и длинными тонкими пальцами; по тыльной стороне кисти вились едва заметные бледно-голубые вены, змейками проступая под бледной кожей.

На фалангах красовались три винтажных состаренных серебряных кольца — широкое с резьбой, второе с плетёным узором и третье самое минималистичное, гладкое. Они были разбросаны по суставам, подчёркивая скульптурную сухощавость его ладони.

Обе руки одновременно коснулись края конверта пластинки.

В мгновение, когда их кончики пальцев соприкоснулись, оба замерли.

Кролла подняла глаза.

Она узнала его.

Это был тот самый надменный и отрешенный юноша из угла вчерашнего клубного бара.

Сегодня на нём была чёрная рубашка генри — верхняя пуговица расстегнута, открывая полоску ключиц, — а поверх наброшено легкое тёмно-серое льняное пальто.

Волосы казались ещё чернее, чем вчера, они были не уложены, и несколько прядей падали на лоб, взлетаемые ветром и опускающиеся вновь.

Сириус тоже нахмурился.

Он узнал её.

Эти оливково-зелёные глаза он видел вчера в синем свете клубных софитов.

Сегодня не было ни неоновых огней, ни басового гула, ни пропитавшего всё помещение табачного дыма — только двухчасовое солнце после полудня и луковый запах от тележки с хот-догами.

Она выглядела иначе. Невозможно было сказать, в чём именно дело — возможно, просто потому, что она не стояла на сцене.

— Отпусти, — произнесла Кролла ровным тоном, словно говоря о погоде. — Я первая её заметила.

Сириус не отпустил руку.

Он опустил взгляд на пластинку — пылающий бас, золотые буквы, — а затем снова посмотрел на стоявшую перед ним девушку.

В душе у него ещё теплился юношеский задор и дух соперничества, а в голове вертелась лишь одна мысль: я увидел эту пластинку первым, с какой стати я должен тебе уступать?

Но его взгляд скользнул ниже и внезапно замер.

Он смотрел вовсе не на пластинку.

Он смотрел на её руки.

Это были руки, что годами касались басовых струн.

Пальцы ровные и тонки, суставы рельефные, но не угловатые, линии мягкие и в то же время исполненные скрытой силы.

На фалангах пальцев покоились две состаренные винтажные серебряные пелетки простого авторского дизайна, источающие ленивый ретро-шам.

Одно представляло собой тонкое серебряное кольцо с едва различимым выбитым узором; другое — пошире, с неровной фактурой металла на внешней стороне, напоминающей лунную поверхность.

У изящной, чуть выступающей лучевой кости запястья примостилась крошечная светло-коричневая родинка, похожая на случайно упавшее на белый лист зернышко кунжута — не изъян, а изысканное украшение.

Сириус секунд, пожалуй, пять пялился на эту родинку. Сам он того не осознавая, а вот Кролла заметила.

— На что уставился?

Кролла резко отдернула руку и нахмурилась.

В её тоне не было ни смущения, ни злости — скорее та прямота, с какой говорят: твой взгляд доставляет мне дискомфорт.

Произнося это, она чуть приподняла подбородок, и в её оливково-зелёных глазах читалась лёгкая оценка, словно она решала, стоит ли этот человек дальнейшего разговора.

Сириус отвёл взгляд и приподнял брови, изобразив на лице выражение: ну уж нет, я тебе не уступлю.

— На рынке действует правило: кто первый встал, того и тапки, — заявил он.

Его голос звучал с той с детства привитой уверенностью, которая позволяет сохранять невозмутимость в любой ситуации.

— Я стою здесь уже три минуты, просто ещё не успел протянуть руку.

Это была ложь.

Он подошёл к этому лотку не больше тридцати секунд назад.

Но произнёс он это с абсолютно невозмутимым лицом, а его туманно-серые глаза смотрели прямо на неё с такой искренностью, будто он зачитывал прогноз погоды из Ежедневного Пророка.

Кролла не стала его разоблачать.

Однако по частоте его моргания она кое-что поняла: когда человек говорит правду, он так часто не моргает.

— Раз ты так долго не решался протянуть руку, — уголки её губ чуть дрогнули в усмешке, — теперь жалуешься на меня?

— По совести говоря, эта пластинка достанется мне, — парировал Сириус.

— Какое совпадение, — бросила Кролла, положив пальцы на самый край конверта пластинки. Она не давила, но и отпускать не собиралась. — Мне она тоже нужна до зарезу.

Они так и замерли, глядя друг на друга поверх винила.

Кролла стояла по эту сторону стола, а Сириус — по ту.

Полуденное солнце пробивалось сквозь прорежи в навесе, и тонкий луч света лежал аккуратным разделом между ними, словно черта посреди стола, переступать которую не разрешалось никому.

Торговец, лысый мужчина средних лет, переводил взгляд то на Сириуса, то на Кроллу, то на спорную пластинку между ними.

Его голова бегала из стороны в сторону, словно он следил за теннисным матчем: налево, направо, и снова налево.

— Э-э, — подал он голос. — Молодые люди…

Никто из них не обратил на него внимания.

Сириус ещё никогда не встречал девчонок, которые осмеливались бы идти с ним напролом, не заискивали, не тушевались и ни на йоту не желали уступать.

Это открытие вызвало в его груди странное, неопределённое чувство.

Вроде как холодной водой окатили, а с другой стороны — будто в знойный летний день глотнул ледяной колы.

Кролла в свою очередь мысленно оценивала его.

Посреди этого разорённого магловского рынка.

Он излучал этакую преисполненную апломба аристократичность из разряда мне положено находиться в куда более изысканных местах, словно сбежавший во дворец принц — одет просто, но ауру из серии вы вообще знаете, кто я такой скрыть невозможно.

Колечки неплохие, она мимоходом мазнула взглядом по трём винтажным серебряным перстням на его пальцах — вкус присутствовал.

Только вот характер — вредный, упёртый, принципиальный, классический замашки

избалованного молодого господина.

Ей было лень вступать с ним в бессмысленные споры, но и уступать она не собиралась.

— Давай поступим так, — легко и непринужденно произнесла Кролла, словно речь шла о какой-то пустяковине. — Кому продавец захочет, тому и продаст. По-честному.

Когда она это договорила, уголки ее губ изогнулись в едва заметной улыбке — не доброй, а той самой лукавой ухмылочке из серии ну-ка, покажи, что ты теперь сделаешь.

Сириус посмотрел на неё. Он расшифровал этот изгиб губ.

Его собственные губы тоже дрогнули в ответной усмешке — мол, ну погоди у меня.

Торговец окинул взглядом Кроллу — чёрная толстовка, гитарный кофр, пучок рыжих волос.

Затем перевёл взгляд на Сириуса — серые глаза, рубашка генри, три серебряных кольца на пальцах.

— Э-э, — почесал лысину продавец. — Знаете что, молодые люди? У меня тут завалялся ещё один точно такой же экземпляр, только состояние чуть похуже — на конверте есть следы от воды, но с самим винилом всё в порядке…

Не успел он договорить, как Сириус перебил его без малейшего колебания.

— Беру эту.

http://bllate.org/book/22381/2348021